

Хворая осенняя земля, седая и колючая, местами покрыта снежными лоскутами. Конец октября. Дни ещё пестрят остатками неуспокоенной ржавой листвы, обильно рассыпанной по сельским дорогам золотистой соломой, редкими вспышками вызревшей рябины в добротных ухоженных палисадниках.

Вечером в доме натоплено, уютно. Днём мама пекла сахарные плюшки. Ближе к ночи аромат ванили всё ещё не выветрился. Вдоволь наигравшись, набегавшись босыми пятками по тёплому полу, я и две младшие сестрёнки разложили небольшой диван-книжку, стоящий в зале, и решили спать все вместе. Подушки и одеяла впитали сладкий запах постряпушек. Казалось, что наша семья живёт не в обычной двухкомнатной квартирке, а в сказочном пряничном домике.

Мы долго рассказывали разные истории, вспоминали свои дневные проделки. Управившись с привычными вечерними делами, мама тоже присоединилась к нам.

— Расскажите сказку, — попросила самая маленькая.

— Лучше про Улиточку, — добавила средняя.

Наша сказка про Улиточку началась давно, около года назад. Сочинялась она каждый день, и никто не знал, куда приведёт и чем закончится повествование.

— Кто помнит, на чём мы вчера остановились?

Сестрёнки, перебивая друг дружку, затараторили:

— У неё родилась вторая ребёнка.

— Ты неправильно говоришь, это мама её родила ребёнку, а Улиточка пошла во второй класс.

— В третий.

— Она уже таблицу умножения выучила?

— Выучила, как наша Алёнка. Все пятёрышницы таблицу хорошо учат.

— Всё, давайте сказку, рассказывай, Алён.

Сочинять истории для меня дело не трудное. И вечер, для того чтобы погрузиться в упоительный мир фантазий, самый подходящий. Но что-то внутри неспокойно. То ли оттого, что с утра всё валилось из рук, и первым делом я нечаянно расколотила целую стопку новых белоснежных тарелок с золотой каёмкой (за что тут же получила веником), то ли потому, что в обед в кухонное окно с лёту врезался воробей. Не просто врезался, а со всего маху ударился своей пернатой головкой в стекло и замертво упал на остывающую землю.

— Сейчас вспомню, что было дальше... — начала я рассеянно. — Пошла Улиточка в кино... Идёт она по своей улице, а навстречу ей подружка. Пошли подружки в кино вдвоём. Вдруг услышали, что позади кто-то плачет. Оглянулись, а это Улиточкина сестрёнка.

— А зачем ты без меня пошла? — возмутилась средняя.

— И без меня, — обиделась младшая.

Девчонки всерьёз воспринимали все наши сказки и наивно мечтали быть главными героинями. С помощью фантазий можно было легко управлять ими, воспитывать:

— Как же мы могли пойти все вместе, если одна из вас только родилась?

— Точно! Тогда я ещё в кровати спала, — успокоилась младшая.

— А я всё равно редела и гонялась за тобой, — обрадовалась средняя. — Рассказывай, какое кино мы смотрели!

Кто-то тихонько постучал. В тёмное время суток вся члены семьи, кроме папы, трусили выглядывать в окно. Но папа сейчас был ещё на работе, а мама у нас главная трусиха. Сцепившись паровозиком (по старшинству), мы тихонько подкрались к окну. Дрожащей рукой я слегка отодвинула занавеску.

— Никого.

Душа застыла и звонкой ледышкой раскололась где-то в пятках.

— Точно никого? Получше выгляни, — настаивала мама.

Одним указательным пальчиком, точнее, самым кончиком ногтя, тихонечко ещё на пару миллиметров я отодвинула цветной ситец, защищавший нас от воображаемых ужасов ночного внешнего мира:

— Совсем никого.

Сестрёнки напряжённо стояли на носочках. Любоой страх мы старались преодолевать вместе.

— Ладно, ложитесь, — мама встала и пошла на кухню. — Будут ещё стучать, сразу не отзывайтесь. Знаете же, что беда ходит по домам и стучится. Кто откликнется, у того она и поселится.

Эту страшилку сельские жители повторяли часто. Сразу отзываться на стук было не принято. Мы ещё немного побоялись, пошептались о Бабе Яге, Кощее и подобных нечистях и вернулись к своей сказке.

— Сходила Улиточка с подружкой и сестричкой в кино. А когда вернулась домой, увидела, что дом полон гостей.

— Это к папе на юбилей приехали, — заметила средняя.

— Аха. А гостей надо накормить, напоить, развеселить и спать уложить, потому что праздник только послезавтра.

— И чего они раньше времени приехали?

— Вот гости любят пораньше приезжать. Они же все городские, а у нас хорошо — молочко парное, воздух целебный.

— Ещё мы полный холодильник пельменей налепили. Целых два дня лепили: папе гигантские, гостям большие, для мамы нормальные, Улиточке — маленькие, мне — крохотные, и для малышки тоже налепили, но я за неё съем, она же у нас ещё лялюшная.

— Конечно, и пельменей налепили, и пирожков с повидлом нажарили.

Пирожки — любимая тема у сельской ребятни. Каждая хозяйка готовит это лакомство по своему, иногда секретному, рецепту. В духовке или на сковороде, на масле или на жиру. А разнообразие начинок, золотистый цвет и тёплый жизнеутверждающий аромат вызывают аппетит даже у самого капризного привереды.

— Мне, чур, с черёмухой! — мечтает младшенькая.

— А мне с капустой, тогда вы себе берите ещё с яблоком, с яйцом и с черемшой, — перечисляет средненькая.

Что касается пирожков, меня долго уговаривать не нужно:

— Мои любимые с картошкой, с лучком жареным. А помните, бабушка со свежей клубникой готовила?

— Вкусня-а-атки! Ещё баба Маруся сладкие с морковкой в русской печке печёт.

— А баба Зина со шкварками.

— И в столовке с ливеркой.

— Знаете, я недавно читала, что раньше даже с пшеном пирожки были.

— Вот мы читать научимся, — в полудрёме пробормотала средняя, — тоже узнаем про все-е-е пирожки...

Так за разговорами мы незаметно уснули.

Мой сон был похож на бред. Из кухни доносились звуки закипающего чайника, ворчание холодильника. Из рукомойника капала вода. Рук и ног я не чувствовала, в голове туман. Внезапно из этого тумана возникло большое и влажное существо. Гигантская улитка склонилась надо мной. Она беззвучно вращала своими длинными рожками, пристально разглядывала меня чёрными точками-глазками. Улитка вздохнула. Из одного глаза выкатилась большая перламутровая слезинка и упала мне на щёку. Улитка спряталась в домик-панцирь. Туман рассеялся... Морозный солнечный день. Окно в сад. Обледеневшие деревья, увешенные ярко-красными плодами. Воробей, маленькая суетливая птичка, мечется между деревьями, бьётся об ледяные стволы. За окном холодно, спасение только внутри. Птица спешит в тепло, но находит свою смерть.

«Опасность не всегда очевидна», — гудит в голове. Почему-то я знаю, что это голос улитки. Зову её:

— Ты куда спряталась? Ты можешь спасти воробья?

— Я могу всё, но не в этот раз.

— Почему ты не хочешь его оживить?
— Ему ещё нужно учиться.
— Чему? Как? Ведь он уже умер.
— Это только иллюзия. Только иллюзия...

Слышу, как улитка удаляется. Слышу, как скрипят половицы, как качается матрик на часах.

* * *

Страшный стук разбудил сразу всех.

Незнакомый мужчина грубым и сильно взволнованным голосом кричал:

— Открывайте! Скорее собирайтесь!

Ему ответила встревоженная мама:

— Где? Куда идти?

— В больнице. Давайте быстрее!

— Подождите... Дети с кем? Я девчонок с кем оставляю?

— Парни из мехотряда побежали к вашей матери. Сейчас она придёт. Вы только не волнуйтесь. Он ждёт. Должны успеть.

* * *

Баба Таня курит и кашляет. Она кашляет давно. Сильные препараты уже не помогают. Бронхиальная астма. Курить нельзя, но врачи говорят, что бросать сразу тоже вредно. Дядя привозил специальные японские сигареты на травах, но победила привычка курить «Беломор» и «Астру».

Бабушка плачет.

Мне почти не доводилось видеть её плачущей. Она сильная. Сиротское венное детство, тяжёлая юность, не женские условия труда — всё это закалило её характер.

— Мнученьки мои, тоже теперь сиротки, — всхлипывая, бабушка раскачивается из стороны в сторону, — родненькие, девчоночки мои...

Она не умеет красиво говорить, но на её лице читается сильное потрясение, глубочайшая скорбь и сострадание: старость и худоба стали более очевидными, коричневые длинные руки ещё больше высохли, трясутся и кажутся совсем бессильными, глубокие морщины по всему лицу, чёрный траурный платок. Вся её жизнь прошла в непрерывной борьбе за право жить. Теперь она думает о том, что лучше бы умереть, что страшно пережить молодых, боязно за будущее внуков. Она постоянно спорила с отцом. Мы думали, что они ненавидят друг друга.

— Тёщу нужно любить на расстоянии, — говорил папа.

— Зять, неча взять, — ворчала баба Таня.

Теперь ни одного плохого слова. Баба Таня плачет и приговаривает: «Толенька, сыночка, мальчоночка мой родименький...»

В доме натоплено. Но тепла в нём нет второй день.

* * *

Две ночи мы мотались по соседям. У дедушки с бабушкой нельзя, там и без нас полон дом. Вся папина родня съехалась, не протолкнуться. Баба Таня всё время с мамой. Маму мы не видели двое суток. Ей постоянно плохо, врачи дежурят

рядом, ставят уколы. Соседи тоже днюют и ночуют у нас дома. Все готовятся к похоронам. Я слышала, что вчера привезли папу. Хотела бежать туда, но тётя Аня не разрешила:

— Там столько народу, затопчут тебя, лучше следи за девчонками.

Иногда кто-нибудь вспоминал, что нас нужно покормить. Приносили еду, но мы почти не ели. Нам хотелось домой. Сёстры не играли. Всё это время они держались за руки. Одной четыре, другой пошёл третий год. Они не плакали. Бойкие весёлые проказницы в один миг превратились в тихонь. Средняя только изредка спрашивала:

— А папа наш умер? Совсем?

Мне трудно было отвечать, я только качала головой и крепко-крепко обнимала моих маленьких беззащитных крошек.

* * *

Тётя Аня повязала нам чёрные платки и отвела домой.

У ограды, во дворе, на веранде — повсюду люди. Мы с трудом протиснулись в дом.

— Дети, Толины девочки, — пробежал шёпот в толпе.

Толпа расступилась. В зале нет мебели. По стенам мохнатые колючие венки: «Любимому братику от Татьяны и её семьи», «Дорогому другу от одноклассников», «...от Сергея», «От жены и дочерей». У меня закружилась голова. Резкий запах одеколona, напоминающий виноградный сок, был невыносим. В глазах потемнело.

— Мама! — услышала я пронзительный крик средней сестры.

Врачи быстро привели меня в чувство. Рядом страшно голосит папина мама. Ей дали лекарство, чтобы немного успокоить. Наша мама сидит у алого, с чёрной каёмкой гроба. Она кажется глухонемой. Нас поставили рядом.

Папа был бледным. Точнее, белым. Таким белым, будто его специально покрыли мукой. Такой же молодой, такой же наш, только непривычно тихий.

— Папа спит? Скажите, а папа спит? — озираясь на стоящих вокруг людей, спрашивает младшая.

— Тише, — успокаивает её баба Таня.

* * *

Толпа зашевелилась и вынесла нас на улицу. Мы затерялись среди огромного количества ног.

Кто-то активный и громкий выстроил всех в определённом порядке. Четверо папиных друзей подняли гроб на плечи. Впереди ехала машина, которая разбрасывала еловые ветки. Семья шла за гробом. Вдоль дороги стояли односельчане. Обычно процессия шла до перекрёстка, дальше на машинах, но папу несли на руках до конца. Провожало его всё село.

Прощание было долгим. Когда поднялся ветер и полетела колючая снежная крупа, люди заторопились. Возникли какие-то сложности с опусканием гроба. Неуклюжий мужчина оступился и чуть не упал в могилу. Старики зашушукались о страшных приметах.

Нам раздали монетки и сказали бросать их в могилу. У меня онемели пальцы.

Кто-то взял мою руку, зачерпнул ею мокрый ледяной суглинок и грубо кинул на крышку. Поднялся громкий вой. Рыдания заглушили реальность.

Папа ушёл от нас. Его больше нет и уже никогда не будет. Такого не может быть! Но это так... это так...

Обратно ехали на бортовой машине. Разыгралась погода. Глаза залепила белая мошка.

У дома стоял рукомойник и дядька со свежими полотенцами.

— Хорошенько смывайте кладбищенскую пыль, — горланил дядька. — Никого в дом не пушу, — он замахивался полным ковшом, расплёскивая воду.

Соседка тётя Маруся возмутилась:

— Бессовестный, нализался и хохмит, будто праздник ему.

Незнакомая бабуля, опытная в похоронных делах, отправила дядьку проспаться, а сама встала на его место:

— Мой ручки, детонька. Хорошенько мой. Ой, беда-то, беда. Сиротонька.

До сих пор я ещё не бывала в театре. Но в тот момент остро почувствовала ненастоящность, театральность всего происходящего. Нет, это не со мной, не с нами. Сейчас исчезнут все эти люди, появится живой и здоровый папа, и мы снова будем жить большой счастливой семьёй.

* * *

Дом не вмещал всех пришедших на поминальный обед. За стол садились в три захода: сначала молодёжь, дальняя родня и соседи, следом дети, старики и те, кому скоро уезжать. Под конец оставались самые близкие. Проворные женщины быстро меняли блюда, убирали посуду и наводили порядок.

Мы сели за стол во вторую очередь. Горячий кисель немного ободрил и вернул к реальности.

Люди за столом говорили хорошие слова об усопшем. Маленькие сестрёнки молча жевали поминальные блины, от другой еды они отказывались. Я оглядела людей, стол, пустые стены, видно, позавчера ещё куда-то вынесли диван и шкафы, не было даже часов с кукушкой, висевших на стене между окнами. Только свежая побелка (неужели белили тоже позавчера?) небесно-голубого цвета делала комнату удивительно светлой, будто ещё недавно здесь обитали ангелы.

С этой минуты для меня всё стало в прошедшем времени: хорошо было, папа был, счастье в семье было. Тогда мне подумалось, что и детство тоже было, моё славное девятилетнее детство покинуло меня. В душе поселился горький и злой опыт.

2

В многодетной семье Толик родился четвёртым. Рос он трудолюбивым, отзывчивым и, на удивление, бесхитростным ребёнком. Учился хорошо. Был ответственным и послушным.

Как многие мальчишки поколения шестидесятых, мечтал о приключениях, связанных с космосом. Какое-то время хотел стать лётчиком. В итоге после школы поступил в сельскохозяйственный институт, успешно получил диплом и вернулся в своё село трудиться на благо родной земли. Когда братья и сёстры разъехались по разным городам в поисках мифической Синей птицы, рядом с родителями остались только младший сын Володя и средний Анатолий.

Однажды на Новый год я загадала себе папу, потому что мне очень хотелось, чтобы он носил меня на плечах и покупал сладости. Куда делся прежний, мне никто не рассказывал, вот я и решила, что нужно его попросить у волшебных сил. После этого прошло уже полгода, и вдруг на мой четвёртый день рождения у меня появился папа. Самый настоящий — инженер с усами. Он приехал к нам в Улзет на рабочей машине. Баба Таня растерянно выдохнула:

— Здрасти-мордасти.

Мама смущённо сообщила:

— Вот. Это наш... папа, папа Толя.

Я вспомнила свою новогоднюю мечту. Оказывается, нас и вправду кто-то слышит. Они же прислали именно такого, который мне очень был нужен.

Потом мы катались на машине. Потом вернулись домой и пили чай, я варила вымышленный кисель в игрушечной посудке и старательно угощала этим лакомством папу. Он пил, шурился, вытирал усы и говорил:

— Ай, какая хозяйюшка! Ах, какого вкусного киселя наварила!

* * *

Через неделю ездили к моим новым бабушке с дедушкой, которые были удивлены не меньше, чем баба Таня. Не знаю, как маме, но мне было невероятно радостно и очень хотелось понравиться папиной семье. Кроме того, у меня появился первый настоящий живой дед.

Дед показал мне «курей» и кроликов. Самого большого крола-«бабочку» даже предложил покормить. У кролика дрожали уши, у меня душа. Еле-еле кинув изда-лека морковку, я выскочила из стайки.

— Девка, чо с неё взять, — сообщил дед за ужином, — от, парнишка бы, так то друго дело, а то кролика спужалась. Де-евка.

— Так ты у нас зайка-бояка? — подмигнул папа.

Я смущённо ёрзала на стуле:

— У него зубы.

— И чего, зубы?! Он тебя сам боится. Сидит, грызёт свою морковку и трясётся, как лист осинovýй.

— Пап, а можно я не буду этих кроликов кормить, может, мы лучше книжки пойдём покупать?

На следующий день пошли покупать книжки. Покупок было много, но главной добычей стала большая красивая книга Агнии Барто «Вовка добрая душа».

— Прочитаешь — и будешь, как этот Вовка, всем помогать.

— Я и так бабе Тане помогаю посуду мыть, полы мести, и красить помогаю.

— Да-а, красить ты у нас горазда, мамка рассказывала, как ты её лаками для ногтей велосипед свой уделала.

С папой мы много шутили и много смеялись.

— И куда вы столько книжек набрали? — удивилась новая бабушка. — Все картинки за год не пересмотришь.

— Что нам картинки, мы всю читаем, — гордо сообщил папа. — Ну-ка, доча, покажи класс!

— «...Что ж, опять на выручку Вовку нужно звать. Вовка добрая душа, по-забавь-ка малыша...» — гордо и с выражением демонстрировала я своё умение.

Через два месяца мы переехали из маленького санаторного Улзета в большое папино село Аларь. От совхоза папе выделили квартиру на улице Лазо.

— Хорошо, колодец рядом, почта. Соседи приличные.

Толя летал как на крыльях. Диван новый купил. Пока холостяком жил, успел кой-чего подкоптить на кухонный гарнитур, на холодильник.

— Малёха поднапрячься, к Новому году можно и стенку «состряпать».

Папа говорил иначе, не так, как мы привыкли в Улзете, от него я узнала, что дело можно «обставить», что плохие люди шефа умеют «подмазать», а обновки можно «сварганить».

Так мы стали жить-поживать, да добра наживать. Только баба Таня не захотела уступать новоявленному члену семьи и демонстративно осталась в Улзете. А мне так было даже лучше — недельку дома, недельку в гостях, все новости знаю, и совсем не скучно.

* * *

Пока «сказка сказывается», друг за другом народились у Толи две девочки-погодки. Одна беленькая, как ромашка, другая тёмненькая, как смородинка. «Толина копия» — говорили знакомые про мою среднюю сестричку, «вылитая баба Надя» — говорили про младшую.

Анатолий с двойным усердием принялся за работу — молодой жене и трём дочерям много для безбедной жизни требуется:

— Ничо, мамка, вот на посевной план выполню, телевизор цветной купим, лето отпашу — на машинёшку скрести начнём.

Молодому организму много ли для отдыха надо — часок вечером на рыбалке, суббота — банный день, всё остальное время в две смены — с утра до вечера на машине техпомощи, с вечера до утра на громаде К-700. На сон оставалось не больше пяти часов. Зато дом — полная чаша.

После очередной уборочной кто-то из руководства не стал дожидаться праздника, который традиционно устраивали в совхозной столовой. Усталым, голодным мужикам, управляющим огромными тракторами, отработавшим тяжёлую смену, водку доставили прямо к месту работы — на поле.

* * *

— Можно было спасти? — еле слышно спросил друг, который ехал на юбилей, а попал на другой день после девяти.

— Говорят, можно, — далёким равнодушным голосом ответила мама. — В больницу привезли вечером, а меня только в пятом часу утра вызвали.

— Неужели, кто-то из своих?

— А кто нам теперь скажет? Может, из своих. Я пришла, он ещё живой. Рядом полный таз крови — перелом основания черепа. Слышала, и таких спасали. Если бы в Черемхово вовремя повезли. Он же ещё всё понимал. Про девчонок помнил. За руку меня держал.

— Мне сказали, там драка была, но он только разнимал...

— Какой с него драчун... Как-то в кино с ним пошли, на перекрёстке к нам хулиганы пристали, так он с ними здороваться начал за руку. Я сняла сапог на шпильке да обоим по башке. Он потом мне сказал: «Чего ты на них кинулась-то? Можно же было миром, местные парни».

— Он всегда такой был. Другие студенты ругаются, дерутся, а он всех разнимает, мирит.

— Господи! Неужели места таким на земле нету? Мехотрядовцы в голос утверждают, что он сам отказался за руль садиться, не уверен был, что справится с управлением. И вдруг человек, который осознаёт опасность, на ходу из кабины головой на свой же плуг.

— Странная физика получается. Теперь правды не добьёшься. Одна надежда на Господа Бога. Он не ошибётся.

В нашем доме было ещё много подобных разговоров. Кто-то требовал эксгумации. Но поговорили и забыли. Только Господь решил по-своему. Постепенно Толины друзья плотным кольцом окружили его на аларском возвышенном погосте: заядлый рыбак дядя Саня, охотники Андрей и Володя, хороший человек дядя Жора... А ложные друзья и недруги живут и долго ещё будут жить с тяжёлой и суровой памятью.

Толик родился в многодетной семье. До тридцатилетия он не дожил всего две недели.

Я благодарю судьбу за то, что он стал моим папой.

* * *

Бабу Таню похоронили весной. На полгода она пережила своего зятя. До последнего дня, как могла, помогала дочери. Папина смерть окончательно подорвала её слабое здоровье.

Только следующим летом средняя сестрёнка вспомнила про Улиточку:

— Как там наша Улиточка?

— А! Ты вспомнила! — радостно подпрыгнула младшая.

Мне ничего не оставалось, как возродить эту историю:

— Улиточка взяла своих маленьких сестричек, и они пошли по ягоды. Долго шли мимо Лысой горы, мимо Солёного ключа и вдруг набрали на огромную поляну, сплошь усыпанную спелой клубникой...

— И набрали три ведра, — обрадовалась малявочка.

— А мама у них плачет. Никогда больше с ними не играет. Бабы Тани нету, папы нету. Дедушка с бабушкой грустные, — средняя девочка переносит в сказку жизненные трудности.

— Всё у них хорошо будет, — я обнимаю моих кровинушек. — Мы сами будем маме помогать, я огородом заниматься, полы мыть, стирать...

— Я посуду мыть, — добавляет средняя.

— А я буду рядом ходить, потому что я ещё маленькая, — заявляет младшая.

Мы крепко обнимаемся, щекочем друг дружку, смеёмся.

— Только ты охраняй нас, Улиточка! — обращается ко мне средняя. — Ты наша старшая, нам с тобой не страшно. Мы будем всё-привсё за тобой повторять.

Этой ночью мне снится гигантская улитка. Она протягивает мёртвого воробья. Преодолеваю страх, я беру в руки безжизненную птицу. Воробей оказывается тёплым, секунду глядит на меня благодарными чёрными глазками и радостно взлетает в бесконечную высоту.

— Вы не сиротки, — говорит улитка, — сиротки это те, кто душевного тепла не имеет, кого пожалеть некому. Вы можете пожалеть, вы своим теплом многих согрете. Сиротки — это те, кто даже при живых родителях отца и матери не имеют. У вас мать есть... и отец.

— Как же, папы нет, — не понимаю, зачем улитка хочет меня обмануть. — Ты забыла, папа...

— Положи руку на грудь.

Я прикладываю руку к груди.

— Стучит?

— Стучит.

— Неужели там нет отца?

— Есть, — я чувствую, что сердце полно любви, имён и образов. — Все есть, и живые и мёртвые.

— Так всегда будет. Из твоей жизни будут уходить одни люди, приходиться другие. Но пока ты есть, пока в груди бьётся сердце, в нём будут жить все, для кого там есть место.

— А если место закончится?

— Место может закончиться на земле и даже под землёй, но в душе и в сердце его ровно столько, сколько тебе нужно. Каждому новому человеку будет просторно и уютно.

— Спасибо тебе, Улиточка!

— Это тебе спасибо.

— Мне-то за что? Это ты учишь меня всему, ты помогаешь радовать сказками моих малышей.

— Ошибаешься. Всё это делаешь ты. Твои поступки, твоя сила, твоя вера. Потому что я — это ты. Потому что ты — это я.